

МНЕМОН

Исследования и публикации
по истории античного мира

Выпуск 15

Санкт-Петербург
2015

**St.-Petersburg State University
Faculty of History
Department of the History of Ancient Greece and Rome
Centre of Ancient Studies**

MNEMON

**Investigations and Publications on the History of Ancient
World**

Edited by Ed.Frolov

Volume 15

**St.-Petersburg
2015**

**Санкт-Петербургский государственный университет
Институт истории
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 15

**Санкт-Петербург
2015**

ББК 63.3 (0) 32
М 73

Редакционный совет

Ю.А. Виноградов (ИИМК РАН), А.Б. Егоров (СПбГУ), К. Кён (Университет
Новой Англии, Австралия), С.Ю. Сапрыкин (МГУ),
Й. Уортингтон (Университет Миссури, США), Ф. Л. Холт (Университет
Хьюстона, США), Ю.Б. Циркин, Н.С. Широкова (СПбГУ).

Редакционная коллегия

Э.Д. Фролов (главный редактор), О.Ю. Климов, О.В. Кулишова,
А.Д. Пантелеев (ответственный секретарь), М.М. Холод.

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, В.О., д. 5, Санкт-Петербургский государственный
университет, кафедра истории древней Греции и Рима.
Телефон +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фролов Э.Д.</i> Вместо предисловия. Воскрешая забытые имена: к 250-летию со дня рождения Е.Е. Кёлера.....	11
--	----

I. Исследования по истории античного мира

1. Древняя Греция

<i>Лантева М.В.</i> О местоположении Паниония в свете археологических исследований начала XXI в.	15
<i>Зайцев Д.В.</i> Страбон и проблема взаимоотношений Эретрии и Халкиды накануне Лелантской войны.....	25
<i>Строгецкий В.М.</i> Фукидид о возникновении тирании в Древней Греции, об особенностях афинской тирании Писистратидов и заговоре Гармония и Аристокитона.....	34
<i>Суриков И.Е.</i> Война и политогенез в архаической и классической Греции: Спарта в сравнении с Афинами.....	49
<i>Владимирская О.Ю.</i> Демократия Перикла и олигархия Фукидида, сына Мелесия: идеи против политических технологий.....	64
<i>Никитюк Е.В.</i> К вопросу о кодификации религиозного права в Афинах в конце V в. до н.э.	79
<i>Холод М.М.</i> К истории Ионии в IV в. до н.э.	92
<i>Шарнина А.Б.</i> Войны и амфикионии (клятвы амфикионов).....	107
<i>Циркин Ю.Б.</i> Карфагено-киренская война.....	119
<i>Рунг Э.В.</i> Цари Ахеменидской империи как дипломаты (о специфике дипломатических отношений персидских монархов с греками).....	132

2. Фукидид: проблемы политической жизни и общественной мысли в труде афинского историка

<i>Жестоканов С.М.</i> Фукидид и коринфская морская держава.....	150
<i>Печатнова Л.Г.</i> Павсаний и персы.....	161
<i>Туманс Х.</i> Образ Фемистокла у Фукидида.....	186
<i>Фролов Э.Д.</i> Геополитическая доктрина в речи сиракузского политика Гермократа (Фукидид, кн. IV, гл. 58-65).....	198
<i>Егоров А.Б.</i> Фукидид и Саллюстий (опыт сравнительного анализа).....	220

3. Эллинизм

<i>Холод М.М.</i> О состоянии финансов Александра Великого в начале его похода в Азию: замечание.....	243
<i>Нефёдкин А.К.</i> Обоз армии Александра Македонского.....	248
<i>Смирнов С.В.</i> Вавилонский «Список сатрапий»: проблемы источников.....	264

<i>Грушевой А.Г.</i> Пираты эллинистического времени (надпись SEG 44 (1994) п. 949 из Теоса – вторая половина III в. до н. э.).....	275
--	------------

4. Рим

<i>Коптев А.В.</i> Сведения Тита Ливия о развитии консулата в IV в. до н.э.	291
<i>Белкин М.В.</i> Марк Туллий Цицерон: «Когда война лучше мира?» (по «Филиппикам против Марка Антония»).....	322
<i>Кудрявцева Т.В.</i> Призывы к миру и критика войны в римской поэзии эпохи гражданских войн.....	329
<i>Халамус М.</i> Octavian Augustus and the friends of Rome: King Asander and Queen Dynamis of the Bosphorus in Times of the First Emperor.....	340
<i>Марков К.В.</i> К вопросу об отношении Павсания к римлянам и римской государственной власти.....	347
<i>Банников А.В.</i> Эволюция римского вооружения в период Импе- рии (I–IV вв.).....	358

5. Культура и религия античного мира

<i>Данилов Е.В.</i> Катакопия Одиссея.....	371
<i>Лихачева Л.А.</i> Культ Посейдона и амфикинии.....	379
<i>Ленская Е.С.</i> Чужеземные боги в Афинах в V–IV вв. до н.э.	386
<i>Тахтдажян С.А.</i> Отношение Антифонта к деньгам: Ксенофонт. Мемора- билии 1, 6.....	403
<i>Светлов Р.В., Королев В.А.</i> Был ли Ликофрон либералом? (Правы ли Б. Чичерин и К. Поппер?).....	412
<i>Tischov J.</i> De Castoris ac Pollucis in maris periculis salutis auctorum cultu Romano.....	421
<i>Каргальцев А.В.</i> Африканские соборы III в.: епископы и исповедники.....	432
<i>Василик В.В.</i> Почитание святой Анастасии Сирмийской в поздней антич- ности и раннем средневековье: об одной неизвестной молитве.....	446

II. Историография и источниковедение

<i>Щеглов Д.А.</i> Белые пятна истории античной географии: сеанс чёрной магии с её последующим разоблачением.....	457
<i>Смирнова Е.Л.</i> Правление Флавиев (69–96 гг. н.э.) в трактовке англо- американской историографии XX века.....	468
<i>Карпюк С.Г.</i> Сообщество советских историков древности в зеркале некрологов и юбилейных заметок в «Вестнике древней истории».....	478
<i>Арутюнян А.Ж.</i> Жизнь и творчество Гагика Хореновича Саркисяна.....	483
<i>Фролов Э.Д., Климов О.Ю.</i> Преподавание антиковедения в Институ- те истории СПбГУ: традиции и новации.....	491

III. Публикации

Марк Туллий Цицерон. Речь «Об александрийском царе» (фрагменты). Вступительная статья, перевод с латинского и комментарий В.К. Хрусталёва.....	501
--	------------

IV. Хроника научной жизни

<i>Кулишова О.В.</i> Студенческий научный кружок кафедры истории древней Греции и Рима в 2014/5 учебном году.....	510
<i>Синицын А.А.</i> LХV-летию Александра Васильевича Подосинова.....	513
Геннадий Андреевич Кошеленко (21 января 1935 г. – 5 августа 2015 г.).....	516
Список сокращений.....	519

Э.В. Рунг

Цари Ахеменидской империи как дипломаты (о специфике дипломатических отношений персидских монархов с греками)*

Рунг Эдуард Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: eduard_rung@mail.ru.

В литературе общепринято говорить о персидской политике и дипломатии в отношении греков, однако, на мой взгляд, целесообразно отделять царскую дипломатию от дипломатии сатрапов. Дипломатические отношения персидских царей с греками имели свои особенности). Царь по всей видимости периодически получал информацию, необходимую ему для принятия своих решений, со слов самих послов во время аудиенции. Отношение царя к представителям греческой делегации определялось действиями самих послов во время аудиенции, вербальными и невербальными. Любое проявление услужливости по отношению к царю последний был склонен расценивать как признание своего доминирования в отношениях. Оказывая поддержку грекам, он давал им дары и привилегии, которые обычно получали его верноподданные. Греки, нуждающиеся в поддержке царя, зачастую с готовностью следовали этим правилам игры; в противном случае они не получали желаемого результата или рисковали получить довольно враждебный прием. Такая позиция царя на переговорах, однако, объяснялась объективными причинами: географической отдаленностью греков от столиц Ахеменидской империи, и, как следствие, периферийного значения греков в политике и дипломатии персидских монархов; последние рассматривали греков с позиций превосходства, ставя их в ряд со своими подданными.

Ключевые слова: греки, персы, дипломатия, цари, Ахемениды.

The Kings of the Achaemenid Empire as Diplomats (on specific features of the Persian monarchs' diplomatic relations with the Greeks)

Rung, Eduard Valerevich, Doctor of History, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University; 18, Kazanskaja ul., Kazan, 420008, Russian Federation; eduard_rung@mail.ru.

There is a common opinion in the literature that considers the Persian politics and diplomacy towards the Greeks as the Kings' diplomacy and the Satraps' diplomacy altogether. However, the Kings' diplomatic relations with the Greeks had its specific features. It seems that the King periodically received an information necessary for making the decisions from the words of the Greek ambassadors having been attended the royal audiences. The attitude of the King to the representatives of the Greek delegations was determined by the actions of the ambassadors themselves during the audience – verbal and nonverbal. Any manifestation of subservience, of respect to the King, might have regarded as a recognition of his

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

dominance in the mutual relations. Supporting the Greeks the King gave them some gifts and privileges that are usually received by his loyal subjects and supporters. The Greeks, intending to get a support from the King, often willingly followed these “rules of the game”; otherwise, they have might not get the success or risked to get a hostile reception at the royal court. This position of the King in the negotiations was due to some reasons, e.g. geographic distance of the Greeks from the capitals of the Achaemenid Empire, and the peripheral significance of the Greek question in the Persian politics and diplomacy.

Keywords: Greeks, Persians, Diplomacy, Kings, Achaemenids.

В данной работе будут рассмотрены несколько наиболее важных аспектов дипломатических отношений между Великими царями Ахеменидской империи и греческим миром. Во внимание будут приняты основные исследовательские концепции, позволяющие нестандартно подойти к рассмотрению темы, некоторые наиболее важные свидетельства о роли персидских царей в переговорном процессе, и, наконец, статус царей как участников переговоров.

В литературе общепринято говорить о персидской политике и дипломатии в отношении греков¹, однако, на мой взгляд, целесообразно отделять царскую дипломатию от дипломатии сатрапов. Так, с одной стороны, сатрапы западных регионов Персидской империи, в отличие от царя, более оперативно реагировали на изменение внешнеполитической ситуации, а, кроме того, имели более определенные и ясные цели в построении своих отношений с греческим миром, и, наконец, безусловно владели большей информацией. В литературе активно обсуждается вопрос, в какой степени сатрапы как представители Ахеменидских монархов на западных окраинах империи зависели от царских инструкций, и в какой они могли принимать самостоятельные решения². Однако, этот вопрос еще довольно далек от своего разрешения. Далее, вполне очевидно, что греки, намереваясь добиться что-то существенного в своих отношениях с персами, апеллировали непосредственно к царю, справедливо видя в нем последнюю и окончательную инстанцию, от которого зависело принятия выгодного им решения. Поэтому, в источниках достаточно часто встречаются сведения о посещении царя делегациями различных греческих полисов, однако мало данных о переговорном процессе с участием царя.

Первый фактор, который мы принимаем во внимание при обращении к участию ахеменидских монархов в дипломатических контактах с греками, это периферийное место, которое занимает «греческий вопрос» в политике Великих

¹ Об этом см., например, статью: *Rung E. War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from the Sixth to the Fourth Century B.C.* // *War and Peace in Ancient and Medieval History* / Ed. by Ph. De Souza and J. France. Cambridge, 2008. P. 28–50. Сравнительно недавно М. Брозийус продолжила исследование темы персидской дипломатии, основное внимание уделив дипломатии «внутри» Ахеменидской империи (*Brosius M. Persian Diplomacy between ‘Pax Persica’ and ‘Zero Tolerance’* // *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece* / Ed. by J. Wilker. Mainz, 2012. P. 150–164.

² *Waters M. W. Applied Royal Directive: Pissouthnes and Samos* // *Der Achämenidenhof / The Achaemenid Court* / Ed. by B. Jacobs & R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. P. 817–828.

царей. Этот фактор в полной мере уже осознается в современной историографии. Обратимся к следующим характерным примерам. Еще в 1939 г. известный американский востоковед А. Т. Олмстэд замечал: «В то время как Персия была, несомненно, определяющим фактором для Греции того времени, греки на западной окраине представляли небольшой интерес для персидских великих царей»³. Другой знаменитый специалист, британский исследователь Д. М. Льюис стремился преодолеть традиционный «эллиоцентризм» в источниках и историографии путем сравнительного анализа греческого и восточного материала. По мнению этого историка, выраженному еще в небольшой своей статье 1958 г., «было очень легко для греков, и в особенности для греческих историков, предполагать, что персидский царь и его подчиненные не думали более ни о чем, кроме эгейских дел...»⁴. В значительной степени этот факт, по мнению английского исследователя, объясняет характер взаимоотношений греков и персов в период Пелопоннесской войны. В монографии «Спарта и Персия» (1977 г.) этот исследователь пишет: «Было осознанным и рациональным использовать восточные отряды в кампаниях (против противников царя в Малой Азии. – Э.Р.) и оставить борьбу против Афин спартанцам, используя греческие людские ресурсы, нанятые персидскими деньгами»⁵.

Замечания Д. М. Льюиса оказались столь интригующими для большинства исследователей, что П. Картледж поместил одно из них в качестве эпиграфа к главе, посвященной взаимоотношениям с Персией, в своей монографии об Агесилае⁶. Этот ученый продолжает развивать положения Д. М. Льюиса: «Вторая и наиболее очевидная опасность эллиоцентризма заключается в согласии с греческой точкой зрения, что персидский царь воспринимал греков так же серьезно, как они воспринимали его... К счастью, существует достаточно свидетельств, чтобы указать, что в некий данный момент греческий мир имел только периферическую важность для персидского государства»⁷.

По мнению Э. Кина, исследователи часто игнорировали это замечание Д. Льюиса. В свою очередь, Э. Кин в своей статье 1998 г. на этот счет высказывается следующим образом: «Персидская империя была огромной, в которой Эгейское побережье образовывало только её небольшую часть, удаленную от её центральных районов на Иранском плато. Несомненно, греки были главной заботой для сатрапов в Даскилии и Сардах, но существуют свидетельства, что они также испытывали проблемы от непокорных анатолийских народов. Для Великого царя, двор которого располагался главным образом в Сузах, Экбатанах и Персеполе, греки были просто одной из многочисленных проблем, тре-

³ *Olmstead A. T.* Persia and the Greek Frontier Problem // CPh. 1939. Vol. 39. № 4. P. 305.

⁴ *Lewis D. M.* The Phoenician Fleet in 411 B.C. // *Historia*. 1958. Bd. 7. Ht. 3. P. 397.

⁵ *Lewis D. M.* Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen / *Cincinnati Classical Studies*. №1. Leiden, 1977. P. 133–134.

⁶ *Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987. P. 182.

⁷ *Cartledge P.* Agesilaos... P. 185.

бующих эпизодического внимания, и не более того. Из больших проблем был Египет, находившийся в восстании в течении почти всего периода. Племена Гиндукуша (современный Афганистан) на восточных окраинах были постоянным бельмом на глазу для империи, угрожая спуститься на Иранское плато»⁸. В подобном ключе рассуждает и Дж. Коуквелл, который в своей книге «Греческие войны. Неудача Персии» (2005 г.) пишет следующее: «... было бы очень большой ошибкой считать, что царь постоянно думал о греках»⁹.

Второй фактор, который необходимо учитывать при рассмотрении роли персидского царя в дипломатических отношениях с греками, это статус персидского царя в переговорном процессе и при заключении соглашений. Этот подход был наиболее отчетливо сформулирован Э. Бэдианом. Свои представления на этот счет исследователь выразил в трех своих работах. В своей статье «Геродот об Александре I Македонском» Э. Бэдиан пишет: «Мы очень хорошо знаем..., что в это время единственной формой союза с точки зрения Царя было подчинение. Человек, который называл себя Царем стран (DPa: *dahyūinām*), или в более полной форме (DNa), Царем стран, включающей всех людей (*vispazanānām*), Царем этой земли великой и протяженной (DNa), Царем на всей земле (DSb) мог вряд ли иметь союзников на равных условиях»¹⁰.

В более ранней своей работе, посвященной Каллиеву миру, исследователь также разъясняет свою позицию. Он замечает, что «нельзя представить царя, присягающего греческому городу на равных условиях»; «он мог ниспосылать эдикт, устанавливавший свои условия»¹¹. Наконец, в статье по «Царскому миру», историк заявляет, что в тех случаях, когда мы встречаем в источниках ссылки на Анталкидов мир как на договор греков с царем, то они отражают скорее представления эллинов о статусе персидского царя по договору, нежели действительное положение дел. Реальный мир, условия которого были написаны на стеле, как замечает Э. Бэдиан, не мог содержать клятву царя, так как мир заключался не между царем и каким-либо греческим государством (или «греками» в целом)¹². Э. Бэдиан верно определяет сущность царской имперской идеологии Ахеменидов и ее влияние на отношения с греками.

И, наконец, третий фактор вытекает из двух предыдущих. Принимая во внимание как периферийную значимость «греческого вопроса» в политике персидских правителей, так и их положение в качестве Великих царей огромной державы, становится вполне ясным стремление Ахеменидов доминировать в

⁸ Keen A. G. Persian Policy in the Aegean, 412–386 B.C. // JAC. 1998. Vol. 13. P. 94.

⁹ Cawkwell G. L. The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxf., 2005. P. 1.

¹⁰ Badian E. Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences // Greek Historiography / Ed. by S. Hornblower. Oxf., 1996. P. 108–109.

¹¹ Badian E. 1) The Peace of Callias // JHS. 1987. Vol. 107. P. 27; 2) From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore; L., 1993. P. 41.

¹² Badian E. The King's Peace // Geographica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell / BICS. Suppl. 58. 1991. P. 38.

дипломатических отношениях с греками. Сущность дипломатической политики персидских царей в отношении греков А. Олмстэд, перефразируя известное латинское крылатое выражение, охарактеризовал как *divide and conquer*, а его соотечественник Дж. Балсер говорил о стремлении Персии контролировать Грецию дипломатическими средствами после неудачи такого контроля средствами военными¹³, и они выражали общее мнение, неоднократно высказываемое в историографии¹⁴. Неслучайно, что основное внимание персидскому фактору в межполисных отношениях отводит в своем докладе «Проблема политического равновесия в классической античности» итальянский антиковед Пьеро Тревес на XIII конгрессе исторических наук в Москве¹⁵.

С этим подходом можно согласиться лишь отчасти, поскольку не следует говорить только об одностороннем процессе персидского дипломатического влияния на греков. Имело также и влияние в обратном направлении: греки, вступая в дипломатические контакты с царем (не говоря уже о сатрапах) также рассчитывали на получения соответствующей выгоды от такого рода контактов. Таким образом, персидское вмешательство в межполисные отношения имело место только тогда, когда греки соглашались на это, и использовали в своих целях позицию царя, и сводилось к минимуму в противном случае.

* * *

Теперь обратимся к некоторым характерным примерам роли царя в отношениях с греками. Весьма примечательно, что в труде Геродота, в соответствующих пассажах, персы (Кир Великий, Артаферн, Дарий I) задают вопросы грекам, причем отнюдь не только греческим послам, о том, кто же такие спартанцы и афиняне. Во время переговоров со спартанцами в 545 г. до н.э. Кир Великий, по словам Геродота (I. 153), спросил эллинов из своей свиты (τοὺς παρόντας οἱ Ἕλλησι): «... что это за люди лакедемоняне и сколь они многочисленны (τίνες εἶντες ἄνθρωποι Λακεδαιμόνιοι καὶ κόσοι πλῆθος)». Описывая переговоры афинских послов с сатрапом Артаферном в 507 г. до н. э., «отец истории» (V. 73) передает вопрос сатрапа об афинянах, обращенный к послам: «Что это за народ, где обитает, и почему хочет стать союзниками персов (τίνες εἶντες ἄνθρωποι καὶ κῆ γῆς οἰκημένοι δεοῖατο Περσέων σύμμαχοι γενέσθαι)». И наконец, историк (V. 105) рассказывает о том, что после сожжения Сард во время Ионийского восстания в 498 г. до н.э., Дарий I спросил у своих приближенных о том, кто же такие афиняне (οἵτινες εἶεν οἱ Ἀθηαῖοι).

¹³ *Olmstead A. T.* The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948. P. 343; *Balcer J. M.* The Greeks and the Persians: The Processes of Acculturation // *Historia*. 1983. Bd. 32. Ht. 3. P. 257.

¹⁴ Обзор других подобных исследовательских точек зрения на проблему роли Персии в межгосударственных отношениях классической Греции (особенно кон. V – сер. IV в. до н. э.) можно найти в работе: *Zahrnt M.* Hellas unter Persischen Druck? Die griechisch-persischen Beziehungen in der Zeit vom Anschluß des Königsfrieden bis zur Gründung des Korinthischen Bundes // *AKG*. 1983. Bd. 65. Ht. 2. S. 251.

¹⁵ *Тревес П.* Проблема политического равновесия в классической античности. М., 1970. С. 6–11.

В дальнейшем видимо у царя становится больше информации о греках, так что такие наивные вопросы не встречаются в источниках, но, тем не менее, появляются другие вопросы, более специализированного и квалифицированного характера. При упоминании Аристофаном в своей комедии «Ахарняне» (425/4 г. до н. э.) пребывания спартанской делегации в Персии есть одна характерная деталь: персидский царь (очевидно, Артаксеркс I) проявляет удивительную неосведомленность о состоянии дел в Элладе, правда задает уже более конкретный вопрос, хотя ответ на этот вопрос мог быть очевидным даже для царя, стоило бы ему только обратиться к своим греческим советникам¹⁶:

так что и царь, посольство лакедемонян вопрошая,
спросил наперво их о том, кто силен кораблями...
(ὅτε καὶ βασιλεὺς Λακεδαιμονίων τὴν πρεσβείαν βασινίζων
ἠρωτήσεν πρῶτα μὲν αὐτοὺς πότεροι ταῖς ναυσὶ κρατοῦσιν ...)

Конечно, на первый взгляд, очень трудно сказать, отражает ли соответствующий вопрос царя о военно-морском потенциале греков действительно слабую осведомленность персидского монарха о состоянии дел в Элладе, и может ли это говорить в пользу того, что царь и его окружение часто действительно получали необходимую им информацию со слов чужеземных послов. Или, может быть, сведения Аристофана представляют всего лишь литературный *топос*, который отражает убеждение греков в том, что царь не владел необходимой информацией об их стране? Поэтому возможно, что вопрос царя о том, кто из воюющих сторон силен кораблями, даже независимо от того, в действительности ли он был произнесен по конкретному случаю, выглядит весьма актуальным для аудитории Аристофана, как, например, вопрос о предоставлении царем золота, который обыгрывается в эпизоде приема персидского посланника в афинской эkkлeсии (Ach. 102–122)¹⁷. В начале Пелопоннесской войны великий комедиограф мог предвидеть, что победу в войне обеспечит флот и царское золото, предоставленное на содержание флота.

Другой эпизод, который может предполагать отсутствие принципиальной позиции царя в отношении с греками, сообщает Фукидид применительно к 425/4 г. до н. э.: «Следующей зимой Аристид, сын Архиппа, начальник афинской эскадры, посланной для сбора дани к союзникам, захватил в Эйоне на Стримоне перса Артаферна, направлявшегося от персидского царя в Лакедемон. Артаферна перевезли в Афины, где его послания перевели с ассирийского письма и прочитали¹⁸. Помимо прочего, содержание их в основном своди-

¹⁶ Об историческом контексте этой миссии см. подробнее: Рунг Э. В. Аристофан и спартанские посольства в Персию // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 3: Труды XVIII Сергеевских чтений. М., 2014. С. 200–205.

¹⁷ См.: Рунг Э. В. Аристофан и афинские посольства в Персию // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под редакцией профессора Э. Д. Фролова. Вып. 13. СПб., 2013. С. 57–70.

¹⁸ Большинство современных исследователей, интерпретируя сочетание Ἰσσυρία γράμματα у Фукидида (IV. 50. 1), считают, что царские письма были написана на ара-

лось к следующему: царь не понимает, чего хотят лакедемоняне, так как все их послы, приезжавшие к нему, говорили разное (οὐ γινώσκειν ὅτι βούλονται πολλῶν γὰρ ἐλθόντων πρὸς βέων οὐδένα ταῦτα λέγειν); и вот, если они желают ясно объясниться, то должны с этим персом отправить к нему послов (IV. 50. 1–2). Действительно, исходя из данного свидетельства Фукидида, Великий царь Артаксеркс I предстает как бы дезориентированным спартанским послами, противоречивые заявления которых не позволяют ему принять определенное решение в пользу Спарты. Если рассматривать это сообщение историка изолированно, без понимания того, каким образом принимались решения при дворе царя, то можно было бы заподозрить царя в какой-то «тайной игре», затягивании времени, стремлении заполучить более выгодные условия, но, вероятно в данном конкретном случае бессмысленно искать какие-то скрытые смыслы в действиях царя: царь действительно не понимал, что же от него хотят представители спартанских делегаций, неоднократно посещающие его.

Спустя более полувека Ксенофонт (Hell. VII. 1. 36), описывая дипломатические переговоры в Сузах в 368/7 г. до н. э., сообщает, что персидский царь Артаксеркс II задает руководителю фиванской делегации Пелопиду вопрос: «что он желал бы, чтобы было записано» (ἔρωτάμενος ὑπὸ βασιλέως ... τί βούλοιο το... γραφῆναι) – речь в данном случае идет о согласованном при участии царя текста договора всеобщего мира между самими греками. Артаксеркс же занял в этом вопросе характерную для себя позицию: быть не стороной договора, но устройтелем мира. В такой ситуации конкретные условия мирного договора для царя уже не имели принципиального значения. Об этом свидетельствует и продолжение этой истории, записанное Ксенофонтом: «Когда все это было занесено в мирный договор (т.е. предложенные Пелопидом условия – Э. Р.) и прочтено послам, Леонт (афинский посол – Э. Р.) произнес так громко, что царь услышал: “Клянусь Зевсом, афиняне, по-видимому, вам пришла пора искать вместо царя какого-нибудь другого друга”¹⁹. После того как царский секретарь перевел слова Леонта царю, договор был снова унесен и принесен назад со следующей припиской: “Если афиняне останутся на более справедливых условиях мира, то они могут снова явиться к царю с соответствующим за-

мейском языке (Nylander C. ΑΣΣΥΡΙΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ. Remarks on the 21st Letter of The mistokles // OpAth. 1968. Vol. 8. P. 122, not. 16; Schmitt R. Assyria grammata und ähnliche: Was wußten die Griechen von Keilschrift und Keilinschriften? // Zum Umgang mit fremden Schprachen in der griechisch-römischen Antike / Hrsg. C. W. Müller, K. Sier & J. Werner. Stuttgart, 1992. S. 26).

¹⁹ Дж. Баклер считает, что афинский посол говорил об Ариобарзане (Buckler J. Theban Hegemony, 371–362 B.C. Cambridge (Mass.), 1980. P. 157). С этим предположением не согласен Р. Мойзи, который думает, что подразумевался Египет (Мойзи Р. Грекоперсидские отношения в 367–360 гг. до н.э. // Международные отношения и дипломатия в античном мире. Казань, 2000. С. 136. Прим. 1). Однако, мне представляется, что едва ли афинский посол имел в виду какого-либо конкретного «друга»; его слова имели риторическое звучание и были призваны просто побудить царя пересмотреть свою позицию по отношению к афинянам.

явлением²⁰». Вообще, данный эпизод показателен с точки зрения того, как позиционировал себя царь в отношениях с греками. Но не менее показательны обстоятельства, при которых царь принял сторону фиванцев во время упомянутых переговоров. По мнению Плутарха, Артаксеркс проявил особую симпатию к личности главы фиванской делегации – Пелопиду (Pel. 30), а, согласно Ксенофону (Hell. VII. 1. 36), царь был впечатлен произнесенной им речью, в которой подчеркивалась традиционная персофильская позиция фиванцев²⁰.

Собственно говоря, греки понимали все нюансы «убеждения» царя в надежде заполучить его поддержку, и потому подходили с особой тщательностью при назначении послов в Персию. Приведем ряд соответствующих примеров. Так, не случайно, что послом в Персию перед Пелопоннесской войной часто оказывался Периламп, друг Перикла (Plut. Pericl. 13), о чем сохранилось упоминание у Платона: «Считалось, что Периламп не имел себе равных по росту и красоте, ни в Персии, при дворе Великого царя, ни на азиатском материке, во всех местах, куда он отправлялся послом» (Plato. Charm. 158a). Примечательно также, что и Анталкид, после успешных переговоров с самим царем и последующего заключения «Царского мира», впоследствии, по крайней мере еще дважды, направлялся послом в Персию (Plut. Pel. 30; Artax. 22; Aelian. VH. XIV. 39; Athen. II. 31). В составе фиванской делегации на переговорах в Сузах в 368/7 г., наряду с Пелопидом, был также и Исмений (Plut. Artax. 22; Ael. VH. I. 21), сын того Исмения, который занимал проперсидскую позицию в период Пелопоннесской войны и впоследствии пострадал за это (Xen. Hell. V. 2. 36), а участником посольства к Дарию III в 333 г. до н. э. был Фессалиск, сын Исмения Младшего (Arr. Anab. II. 15. 2). И этот список можно было продолжить.

Немаловажное значение греки отводили соблюдению протокола аудиенции царя Персии и такому важному его компоненту, как исполнение проскинесиса.

²⁰ Дж. Баклер доказывает, что Артаксеркс поддержал фиванцев, поскольку он не имел другого выбора перед лицом афино-спартанского союза. По мнению исследователя, политика царя объяснялась стремлением к сохранению равновесия сил в Греции, чтобы развязать себе руки для решения своих внутренних проблем, в частности, борьбы с восстающими сатрапами (Buckler J. The Theban Hegemony. P. 154). М. Вейскопф и С. Рузика считают, что действия царя были вызваны известиями о подготовке к восстанию Ариобарзана, который был тесно связан со Спартой и Афинами (Weiskopf M. The So-Called 'Great Satraps' Revolt', 366–360. Stuttgart, 1989. P. 37; Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. Norman; L., 1992. P. 61). В. Ф. Кутергин, в свою очередь, объясняет поворот персидского царя в сторону фиванцев несколькими обстоятельствами: ослаблением Спарты, опасениями в связи с усилением Второго афинского морского союза, очередной попыткой персов сыграть на межполюсных противоречиях, направив Беотийский союз против возвышающихся Афин (Кутергин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э. Саранск, 1991. С. 90). Однако, как показывают примеры из прошлого, Артаксеркс скорее всего мог получить свежие новости о состоянии дел в Греции со слов самих послов, и в этой ситуации аргументы каждого из участников посольства могли оказаться решающими при определении позиции царя по отношению к различным греческим государствам.

Слово προσκύνησις является производным от глагола προσκυνέω, который переводится буквально как «совершать поцелуй перед собой» (от κυνέω – «целовать»), а в переносном смысле, по распространенному мнению²¹, может обозначать совершение земных поклонов. Слова, используемые для обозначения проскинесиса, периодически применялись греками для выражения почитания богов или их изображений²²; но по отношению к персидскому царю они часто употреблялись вместе с другими глаголами – προπίπτω или же проοπίπτω и их производными, которые уже буквально обозначают «падать вперед», «наклоняться вперед», то есть совершать земные поклоны²³. Причем, если в ранний период дипломатических отношений в начале V в. до н. э., греки считали недостойными совершение проскинесиса перед персидскими царями, то позднее, уже в IV в. до н. э. греческие послы вели себя в этом вопросе поконформистски. Сравним, например, два эпизода приема царями делегаций греческих полисов, отделенных один от другого по времени почти столетием.

Рассказывая о миссии спартанцев Сперфия и Булиса к царю Ксерксу, которая имела место после 486 г. до н. э., Геродот (VII. 136) замечает, что царские телохранители прежде всего приказали послам совершить проскинесис, поклонившись царю (προσκυνέειν βασιλέα προπίπτουτας), и когда те отказались, то хотели принудить их к этому силой. Однако спартанцы мотивировали свой отказ тем, что не в обычае у греков совершать проскинесис человеку (οὔτε γὰρ σφι ἐν νόμῳ εἶναι ἄνθρωπον προσκυνέειν). Плутарх (Artax. 22) описывает поведение фиванца Исмения, сына Исмения, перед лицом царя Артаксеркса II во время переговоров в Сузах в 368/7 г. до н. э.: «У царя побывали

²¹ См. *LSJ*. s. v. προσκύνησις.

²² *Soph. Phil.* 776; *Ar. Plut.* 771; *Xen. Anab.* III. 2. 9. Об этимологии слова «проскинесис» см.: *Marti B. M. Proskynesis and Adorare // Language.* 1936. Vol. 12. № 4. P. 272–282. Автор доказывает, что в большинстве случаев античные авторы, говоря о проскинесисе, особенно в религиозном контексте, подразумевают именно поцелуй, а не поклон, и придерживаются первоначального значения термина. Х. Боуден в своей обстоятельной статье, посвященной проскинесису, рассматривает несколько значений этого термина и приходит к выводу, что религиозное значение часто выступает вторичным, тогда как основным является характеристика поведения перса (*Bowden H. On Kissing and Making Up: Court Protocol and Histo-riography in Alexander the Great's "Experiment with Proskynesis" // BICS.* 2013. Vol. 56. № 2. P. 55–61).

²³ По поводу персидского обычая проскинесиса Р. Фрай замечает: «Судя по рельефам из Персеполя, знатный должен был низко поклониться царю и поцеловать собственную руку, либо преклонить колени; при обращении к царю с просьбой или мольбой надлежало, особенно слугам, пасть ниц, но нигде не видно поклонения божеству» (*Фрай Р. Наследие Ирана / Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. М., 2002. С. 137*). О разнообразных действиях, определяемых как проскинесис см. *Hall E. Inventing the Barbarian, Greek Self-Definition through Tragedy. Oxf., 1989. P. 97* (отличает проскинесис от полной прострации, при этом ссылаясь на такое различие у Плутарха: *De Sup.* 166a); *Matarese C. Proskynesis and Kiss at Alexander's Court // Atiner's conference Paper Series. No: HIS2012–0315. Athens, 2012. P. 7* (говорит о разновидностях проскинесиса: прострация, поцелуй с прострацией, целование ног царя, целование земли перед царем).

также фиванец Исмений и Пелопид, незадолго до того выигравший битву при Левктрах. Пелопид держал себя с безукоризненным достоинством, а Исмений, когда ему приказали совершить проскинесис, уронил перед собою наземь перстень, а затем нагнулся и поднял, персы же решили, будто он исполнил проскинесис» (Ἰσμητιάς δὲ προσκυνῆσαι κελευόμενος ἐξέβαλε πρὸ αὐτοῦ χαμᾶζε τὸν δακτύλιον, εἶτα κύψας ἀνείλετο καὶ παρέσχε δόξαν προσκυνούντος). Однако, наиболее обстоятельным является рассказ Элиана (VH. I. 21). Согласно этому автору, Исмений из Фив в качестве посла от своего родного города прибыл к персидскому царю и пожелал самолично переговорить с ним. Однако, хилиарх, который докладывал царю и вводил посетителей²⁴, сказал Исмению, что у персов такой обычай, что представший пред глазами царя не удостоивается разговора с ним, пока не исполнит проскинесиса (νόμος ἐστὶν ἐπιχώριος Πέρσαις, τὸν ἐς ὀφθαλμοὺς ἐλθόντα βασιλέως μὴ πρότερον λόγου μεταλαγχάνειν πρὶν ἢ προσκυνῆσαι αὐτόν), и что, если Исмению угодно самому говорить с царем персов, то он должен поступить, как того требует закон, в ином случае, он может изложить свое дело через него и избежать проскинесиса. Исмений же выбрал аудиенцию и, когда предстал перед царем, снял с пальца перстень, незаметно бросил его себе под ноги, затем быстро нагнулся, словно для совершения проскинесиса, и поднял его. Таким образом, как продолжает Элиан, Исмений сделал вид, что соблюдает персидский обычай, и вместе с тем не совершил ничего постыдного для эллина, и, как результат этого, Исмений добился того, ради чего прибыл, и персидский царь ни в чем не отказал ему.

Понятно, что персидские цари, принимая эллинских послов, практиковали предоставление соответствующих даров и привилегий, которые, с одной стороны, были отражением уже возникающей дипломатической традиции, а, с другой стороны, могли служить выражением предпочтения тому или иному делегату. Исследователи справедливо считают, что внутри Ахеменидской империи в основе взаимоотношений царя со своими подданными находился традиционный обычай дарообмена; причем действовал принцип неравноценного обмена дарами и услугами: подарки и услуги кого-либо царю заметно уступали тем, которые он получал взамен от царя. На это обстоятельство справедливо обращали внимание Х. Саншизи-Веерденбург и Л. Митчелл в своих работах, посвященных обычаям дарообмена у персов и греков²⁵. В частности, Л. Митчелл замечает: «У греков был установлен равный обмен, у персов неравный. Царь давал больше, чем кто-либо еще, и это создавало дисбаланс во

²⁴ О функциях хилиарха при персидском царском дворе см.: *Keaveney A. The Chiliararch and the Person of the King // Der Achämenidenhof / The Achaemenid Court / Ed. by B. Jacobs & R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. P. 499–508; Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE. Edinburgh, 2013. P. 31.*

²⁵ *Sancisi-Weerdenburg H. Gifts in the Persian Empire // La Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Décembre 1986 / Ed. par P. Briant et C. Herrenschildt. Paris, 1989. P. 140–141; Mitchell L. G. Greek bearing gifts. The public use of private relationship in the Greek World, 435–323 B.C. Cambridge, 1997. P. 111–113.*

взаимоотношениях, так как получатель был в долгу у царя. Царь доминировал во взаимоотношениях и был способен управлять отношениями... Тот, кто получал дары от царя, получал не только обмен ценностями, но также и статус и это было знаком признания царем и влияния при дворе»²⁶. На рельефах ападан царского дворца Ксеркса мы видим представителей многочисленных народов, входящих в состав Ахеменидской империи, которые приносят дары царю²⁷. Царь реагировал на регулярное дароприношение своих подданных ответными дарами, которые носили ситуационный характер, и давались за оказанные царю услуги. Впрочем, о приношении послами каких-то даров царю, как ни странно, ничего не известно (и потому, вызывает сомнения, а были ли они). Зато греки в целом уделяли значительное внимание царским дарам²⁸.

Очевидно все зависело от размера этих даров. По словам Плутарха (Pel. 30), во время дипломатической конференции в Сузах в 368/7 г. до н. э. Артаксеркс II посылал фиванцу Пелопиду в знак своего расположения самые богатые и драгоценные подарки из тех, какие обычно подносят послам, однако, последний не принял ни единого дара, кроме тех, что были знаками благосклонности и радушия. В изложении же Элиана до нашего времени дошел перечень таким «обычных даров» царя, которые могут быть отражением складывания соответствующей дипломатической традиции, но даже они могли вызывать удивление у греков: «Послов, прибывавших к персидскому царю, были ли они эллинскими или какими другими, царь одаривал так: каждому давал серебряный вавилонский талант в чеканной монете, два серебряных сосуда по таланту ценой... браслеты, кинжал, нагрудную цепь ценностью в тысячу дариков и особую мидийскую одежду, называемую дарственной» (Ael. VH. I. 22). Эта информация вполне объясняет, почему в комедии Аристофана «Ахарняне» ее главный персонаж Дикеополь, увидев послов в экклесии, удивляется их мидийской одежде («одежде Экбатан»), при этом восклицает: Ωκβάτανα τοῦ σὺχίματος. Однако, следует сказать, что царские дары очень часто превосходили те, которые считались традиционными, и таким образом давали повод к обвинениям возвращавшихся из Персии послов в подкупе²⁹. О богатстве Великого царя Персии ходили легенды в греческом мире (Dem. XIV. 27), и здесь уместно вспомнить широко известную шутку одного из афинских послов в Персию

²⁶ Mitchell L. G. Greek bearing gifts. P. 113.

²⁷ См.: Schmidt E. F. Persepolis. Vol. 1: Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago, 1953. P. 85–90; Gropp G. Die Darstellung der 23 Völker auf den Reliefs des Apadana von Persepolis // IrAn. 2009. Vol. 44. S. 283–359.

²⁸ О роли царского золота в греческих межполисных отношениях: Рунг Э. В. Неофициальная дипломатия Персии и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях // АМА. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 66–79; Lewis D. M. Persian Gold in Greek International Relations // L'or perse et l'histoire grecque / Actes de table ronde du CNRS à Bordeaux du 20 au 22 mars 1989 réunis par Descat Raymond / REA. 1989. T.91. №1/2. P.227–235

²⁹ Об обвинениях греческих послов в подкупе см.: Perlman S. On bribing Athenian ambassadors // GRBS. 1976. Vol. 17. № 3. P. 223–233.

Эпикрата. В своем жизнеописании Пелопида, Плутарх (Pel. 31; cf. Heges. ap. Athen. VI. 58 P.251a-b) рассказывает занимательную историю: «Во всяком случае, когда некий Эпикрат, по прозвищу “Щитоносец”, нисколько не отрицая того, что принимал от царя подарки, заявил к тому же, что предлагает собранию вместо девяти архонтов ежегодно выбирать девять послов к царю из числа самых простых и бедных граждан, которые разбогатеют благодаря его щедротам, – народ только посмеялся». Денежные подарки от царя получил, по словам оратора Демосфена (XIX. 273), еще Каллий, сын Гиппоника, во время своей миссии в Сузы по поводу заключения мирного договора; он, по сообщению Демосфена, был привлечен даже к суду по обвинению в подкупе и подвергнут штрафу в 50 талантов. Подарки, квалифицируемое как взятки, вероятно приняли от царя и афинские послы в Персию в 393/2 г. до н. э. Эпикрат и Формисий, как это заявлено во фрагменте комедии Платона Комика «Послы» (F. 119), посвященной их совместной дипломатической миссии в Персию:

Получили Эпикрат и Формисий
 От царя многочисленные взятки
 Позолоченные и посеребренные пластинки
 (καὶ τ' ἔλαβον Ἐπικρατῆς τε καὶ Φορμίσιος
 παρὰ τοῦ βασιλέως πλείστα δωροδοκῆματα
 ὀξύβαφα χρυσὰ καὶ τινακίσκους ἀργυροῦς)

Непревзойденными считали современники дары, которые получил афинский посол Тимагор во время посещения послами различных греческих полисов Суз в 368/7 г. до н. э. По данным Плутарха, Тимагор получил не только золото и серебро в размере 10 тыс. дариков, но и драгоценное ложе и рабов, чтобы его застилать, и даже 80 коров с пастухами, под тем предлогом, что, страдая какой-то болезнью, постоянно нуждался в коровьем молоке; носильщики, доставившие его к берегу моря, получили от имени царя по 4 таланта (Plut. Pel. 30; Artax. 22). Демосфен говорит о том, что Тимагор получил от царя 40 талантов (Dem. XIX. 137). В источниках содержатся намеки, что Тимагор всячески угождал персидскому царю: очевидно он с готовностью исполнил проскинесис (Athen. II. 31; Suid. s. v. Τιμαγόρας), затем направил царю какое-то тайное послание через писца Булурида (Plut. Artax. 22), мог обещать Артаксерксу убедить своих сограждан принять условия согласованного при посредничестве царя мирного договора (нарек на последнее обстоятельство дает Демосфен: Dem. XIX. 137) и расторгнуть дружбу афинян и спартанцев (Suid. s. v. Τιμαγόρας). В любом случае, по возвращению в Афины коллега по посольству Леонт возбудил обвинение против Тимагора и добился его казни (Xen. Hell. VII. 1. 38; Plut. Pel. 30, Artax. 22; Dem. XIX. 137). Однако, с точки зрения царя Тимагор получил столь значительные дары очевидно отнюдь не за поддержку фиванских предложений, а за его угодническое поведение перед царской персоной, памятуя о том, что царь особенно не

вникал в суть греческих мирных предложений³⁰. Впрочем, даже почести Тимагору также не были чем-то особо уникальным. Кое-что из этих «экстраординарных» даров получали и греки, которые также находились при дворе царя, хотя и не исполняли дипломатических поручений. По сообщению Афиня (со ссылкой на перипатетика Фения), некий критский гортинец Энтим, подражая Фемистоклу, отправился вслед за ним к царю³¹. Артаксеркс I даровал ему шатер редкой красоты и величины в придачу с ложем на серебряных ножках, а вместе с драгоценными коврами послал также и простыни, говоря, что эллины не умеют застилать постели. Далее мы читаем: «Полностью завладев душой царя, критянин получал приглашения на его семейные трапезы – честь, которой ни до, ни после не удостоивался ни один эллин. Эта привилегия тщательно оберегалась его потомками. Ее не удостоился даже афинянин Тимагор, совершивший перед царем проскинесис и осыпанный величайшими благодеяниями, – ему одному посылали блюда с царского стола. Лаконцу Анталкиду Артаксеркс, сняв с себя, послал напитанный благовоениями венок, но Энтиму он оказывал подобную честь многократно и приглашал его на семейные обеды. Персы это едва терпели, ибо молва распространилась в народе и как раз тогда готовился новый поход на Элладу. [Артаксеркс] послал ему и ложе на серебряных ножках, и покрывало, и купольный шатер из цветных тканей, и серебряное кресло, и позолоченный зонтик, и двадцать золотых, усыпанных драгоценными камнями фиалов, и сотню больших серебряных, и серебряные кратеры, и сотню молоденьких девочек, столько же мальчиков, шесть тысяч золотых монет, не говоря уже о посылаемом для удовлетворения каждодневных надобностей».

Во время дипломатических переговоров греки могли удостоиться не только многих даров, но и привилегированных статусов «друга царя», «гостеприимца царя» или «благодетеля царя», которые могли быть предоставлены как отдельному человеку, так и всему населению греческого полиса, которого поддержал царь³². По словам Плутарха (Pelop. 30), на упомянутой дипломатической конференции в Сузах в 368/7 г. до н. э. царь торжественно объявил фиванцев старинными друзьями царя (Θηβαίους δὲ πατρικοὺς φίλους νομίζεσθαι βασιλέως). Однако, согласно Диодору (XVII. 14. 2), «только фиванцев, единственных из эллинов, персидские цари почтили титулом благодетелей, и их послам приказано было ставить кресла впереди царских». Возможно, фиванцы получили оба титула, и друзей, и благодетелей царя, хотя, следует заметить, что по суще-

³⁰ По мнению Ч. Беарзот, Тимагор был обвинен и казнен отнюдь не за подарки царя, воспринимаемые как взятки, а за политические действия в ущерб Афинам (*Beartzot C. Xenophon on the Athenian Embassy to Susa (367 BC) // Historiká. 2011. Vol. 1. P. 35*)

³¹ Об историческом контексте см.: *Zecchini G. Entimo di Gortina (Athen. II. 48d) e la relazione greco-persiane durante la Pentecontaetia // AncSoc. 1989. Vol. 20. P. 5–13.*

³² Об этих титулах см.: *Wiesehöfer J. Die "Freunde" und "Wohlthäter" des Grosskönigs // Studia Iranica. 1980. Vol. 9. S. 7–21; Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia. P. 32.*

ству античные авторы, сообщающие о такого рода царских милостях грекам, не позволяют провести дифференциацию между различными статусами, часто путая один с другим, так что, собственно даже греческое понимание филии, ксении и эвергесии едва ли помогает в этом конкретном случае.

Геродот несколько раз ссылается на титул благодетеля (εὐεργέτης) царя, которые получали за заслуги различные греки (Hdt. III. 139–140; VIII. 85). Историк (VIII. 85) обращает внимание, что по-персидски царских благодетелей звали «оросангами» (οἱ δ' εὐεργέται βασιλέος ὀροσάγγαι καλέουται Περσιστί). Возможно термин «оросанг» происходит от древнеперсидского **varusanka* – «широкопрославленный»³³. Однако, статус оросангов может также прояснять фрагмент анонимного ритора, который ссылался на Нимфида Гераклеийского. В этом фрагменте, правда, оросанги ассоциируются не с эвергетами, а с ксенами, что еще раз подчеркивает недостаточно ясное понимание греками различия между этими персидскими статусами: «Нимфид Гераклеийский во второй книге “О Геракле” называет оросангами тех, кто имеет привилегию проэдрии, которые на [нашем] языке называются ксенами царя» (Nymphis ap. Lex. Rhet., p.83). Особо примечательно, что свидетельство Нимфида как раз и указывает на связь титула «оросанг» с проэдрией – почетным правом первого места на различных торжественных мероприятиях. О последнем и говорит в отношении фиванцев Диодор (XVII. 14. 2) в приведенном выше отрывке.

Таким образом, на основании собранного и рассмотренного материала может быть обозначен образ персидского царя как дипломата, то есть лица, непосредственно задействованного в переговорах. Во-первых, царь по всей видимости периодически получал информацию, необходимую ему для принятия своих решений, со слов самих послов во время аудиенции. Во-вторых, отношение царя к представителям греческой делегации определялось действиями самих послов во время аудиенции, вербальными и невербальными. Любое проявление услужливости по отношению к царю последний был склонен расценивать как признание своего доминирования в отношениях. В-четвертых, оказывая поддержку грекам, он давал им дары и привилегии, которые обычно получали его верноподданные. Понятно, что греки, нуждающиеся в поддержке царя, зачастую с готовностью следовали этим правилам игры; в противном случае они не получали желаемого результата или рисковали получить довольно враждебный прием. Такая позиция царя на переговорах, однако, объяснялась объективными причинами: географической удаленностью греков от столиц Ахеменидской империи, и, как следствие, периферийного значения греков в политике и дипломатии персидских монархов; последние рассматривали греков с позиций превосходства, ставя их в ряд со своими подданными.

³³ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 148.

Список использованной литературы

- Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Кутергин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э. Саранск, 1991.
- Мойзи Р. Греко-персидские отношения в 367–360 гг. до н.э. // Международные отношения и дипломатия в античном мире. Казань, 2000. С. 136–158.
- Рунг Э. В. Неофициальная дипломатия Персии и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях // АМА. Вып. 12. Саратов, 2006. С. 66–79
- Рунг Э. В. Аристофан и спартанские посольства в Персию // Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 3: Труды XVIII Сергеевских чтений. М., 2014. С. 200–205.
- Рунг Э. В. Аристофан и афинские посольства в Персию // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под редакцией профессора Э. Д. Фролова. Вып. 13. С. 57–70.
- Тревис П. Проблема политического равновесия в классической античности. М., 1970.
- Фрай Р. Наследие Ирана / Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. М., 2002.
- Badian E. Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences // Greek Historiography / Ed. by S. Hornblower. Oxf., 1996. P. 107–127.
- Badian E. The Peace of Callias // JHS. 1987. Vol. 107. P. 1–39.
- Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore; L., 1993.
- Badian E. The King's Peace // *Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell* / BICS. Suppl. 58. 1991. P. 25–48.
- Balcer J. M. The Greeks and the Persians: The Processes of Acculturation // *Historia*. 1983. Bd. 32. Ht. 3. P. 257–267.
- Bearzot C. Xenophon on the Athenian Embassy to Susa (367 BC) // *Historiká*. 2011. Vol. 1. P. 21–37.
- Bowden H. On Kissing and Making Up: Court Protocol and Historiography in Alexander the Great's "Experiment with Proskynesis" // BICS. 2013. Vol. 56. № 2. P. 55–77.
- Brosius M. Persian Diplomacy between 'Pax Persica' and 'Zero Tolerance' // *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece* / Ed. by J. Wilker. Mainz, 2012. P. 150–164.
- Buckler J. Theban Hegemony, 371–362 B.C. Cambridge (Mass.), 1980.
- Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987.
- Cawkwell G. L. The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxf., 2005.
- Gropp G. Die Darstellung der 23 Völker auf den Reliefs des Apadana von Persepolis // *IrAn*. 2009. Vol. 44. S. 283–359.
- Hall E. *Inventing the Barbarian, Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxf., 1989.
- Keen A. G. Persian Policy in the Aegean, 412–386 B.C. // *JAC*. 1998. Vol. 13. P. 93–110.
- Keaveney A. The Chiliarch and the Person of the King // *Der Achämenidenhof / The Achaemenid Court* / Ed. by B. Jacobs & R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. P. 499–508.
- Lewis D. M. The Phoenician Fleet in 411 B.C. // *Historia*. 1958. Bd. 7. Ht. 3. P. 392–397.
- Lewis D. M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen / *Cincinnati Classical Studies*. №1. Leiden, 1977.
- Lewis D. M. Persian Gold in Greek International Relations // *L'or perse et l'histoire grecque / Actes de table ronde du CNRS à Bordeaux du 20 au 22 mars 1989 réunis par Descat Raymond* / REA. 1989. T. 91. № 1/2. P. 227–235.
- Llewellyn-Jones L. *King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE*. Edinburgh, 2013.

- Marti B. M.* Proskynesis and Adorare // Language. 1936. Vol. 12. № 4. P. 272–282.
- Matarese C.* Proskynesis and Kiss at Alexander's Court // Atiner's conference Paper Series. No: HIS2012–0315. Athens, 2012.
- Mitchell L. G.* Greek bearing gifts. The public use of private relationship in the Greek World, 435–323 B.C. Cambridge, 1997.
- Nylander C.* ΑΣΣΥΡΙΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ. Remarks on the 21st Letter of Themistokles // OpAth. 1968. Vol. 8. P. 119–136.
- Olmstead A. T.* Persia and the Greek Frontier Problem // CPh. 1939. Vol. 39. № 4. P. 305–322.
- Olmstead A. T.* The History of the Persian Empire (Achaemenid Period). Chicago, 1948.
- Perlman S.* On bribing Athenian ambassadors // GRBS. 1976. Vol. 17. № 3. P. 223–233.
- Rung E.* War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from the Sixth to the Fourth Century B.C. // War and Peace in Ancient and Medieval History / Ed. by Ph. De Souza and J. France. Cambridge, 2008. P. 28–50.
- Ruzicka S.* Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. Norman; L., 1992.
- Sancisi-Weerdenburg H.* Gifts in the Persian Empire // La Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Décembre 1986 / Ed. par P. Briant et C. Herrenschildt. Paris, 1989. P. 129–146.
- Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. 1: Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago, 1953.
- Schmitt R.* Assyria grammata und ähnliche: Was wußten die Griechen von Keilschrift und Keilinschriften? // Zum Umgang mit fremden Schprachen in der griechisch-römischen Antike / Hrsg. C. W. Müller, K. Sier & J. Werner. Stuttgart, 1992. S. 21–35.
- Waters M. W.* Applied Royal Directive: Pissouthnes and Samos // Der Achämenidenhof / The Achaemenid Court / Ed. by B. Jacobs & R. Rollinger. Wiesbaden, 2010. P. 817–828.
- Weiskopf M.* The So-Called 'Great Satraps' Revolt', 366–360. Stuttgart, 1989.
- Wiesehöfer J.* Die "Freunde" und "Wohläter" des Grosskönigs // Studia Iranica. 1980. Vol. 9. S. 7–21.
- Zahrnt M.* Hellas unter Persischen Druck? Die griechisch-persischen Beziehungen in der Zeit vom Anschluß des Königsfrieden bis zur Gründung des Korinthischen Bundes // AKG. 1983. Bd. 65. Ht. 2. S. 249–306.
- Zecchini G.* Entimo di Gortina (Athen.II.48d) e le relazione greco-persiane durante la Pentecontaetia // AncSoc. 1989. Vol. 20. P. 5–13.

References

- Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentakontaetia. Baltimore; London: Johns Hopkins Press Publ., 1993. 264 p.
- Badian E. Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences. *Greek Historiography*. Ed. S. Hornblower. Oxford: Clarendon Press Publ., 1996. P. 107–127.
- Badian E. The King's Peace. *Georgica. Greek Studies in Honor of G. Cawkwell*. BICS. Suppl. 58. 1991. P. 25–48.
- Badian E. The Peace of Callias. *JHS*. Vol. 107. 1987. P. 1–39.
- Balcer J. M. The Greeks and the Persians: The Processes of Acculturation. *Historia*. Bd. 32. Ht. 3. 1983. P. 257–267.
- Bearzot C. Xenophon on the Athenian Embassy to Susa (367 BC). *Historika*. Vol. 1. 2011. P. 21–37.
- Bowden H. On Kissing and Making Up: Court Protocol and Historiography in Alexander the Great's "Experiment with Proskynesis". *BICS*. Vol. 56. Iss. 2. 2013. P. 55–77.

Brosius M. Persian Diplomacy between 'Pax Persica' and 'Zero Tolerance'. *Maintaining Peace and Interstate Stability in Archaic and Classical Greece*. Ed. J. Wilker. Mainz: Verlag Antike Publ., 2012. P. 150–164.

Buckler J. *Theban Hegemony, 371–362 B.C.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press Publ., 1980.

Cartledge P. *Agasilaos and the Crisis of Sparta*. London: J. Hopkins Press Publ., 1987. 508 p.

Cawkwell G. L. *The Greek Wars. The Failure of Persia*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2005. 316 p.

Dandamaev M. A., Lukonin V. G. *Kul'tura i jekonomika drevnego Irana [Culture and economy of ancient Iran]*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 416 p.

Fraj R. *Nasledie Irana [The heritage of Iran]*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2002. 464 p.

Gropp G. Die Darstellung der 23 Voelker auf den Reliefs des Apadana von Persepolis. *Iran. Vol. 44*. 2009. S. 283–359.

Hall E. *Inventing the Barbarian, Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford: Oxford University Press Publ. 1989. 296 p.

Keaveney A. The Chiliarch and the Person of the King. *Der Achamenidenhof. The Achaemenid Court*. Ed. B. Jacobs & R. Rollinger. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag Publ., 2010. P. 499–508.

Keen A. G. Persian Policy in the Aegean, 412–386 B.C. *JAC. Vol. 13*. 1998. P. 93–110.

Kutergin V. F. *Beotijskij sojuz v 379–335 gg. do n. je. [The Boeotian League in 379–335 BC]*. Saransk: Izd-vo Mordovskogo universiteta Publ., 1991. 185 p.

Lewis D. M. Persian Gold in Greek International Relations. *L'or perse et l'histoire grecque. Actes de table ronde du CNRS a Bordeaux du 20 au 22 mars 1989 reunis par Descat Raymond*. *REA. T. 91. Iss. 1/2*. 1989. P. 227–235.

Lewis D. M. Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen. *Cincinnati Classical Studies. Iss. 1*. Leiden, 1977.

Lewis D. M. The Phoenician Fleet in 411 B.C. *Historia. Bd. 7. Ht. 3*. 1958. P. 392–397.

Llewellyn-Jones L. *King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE*. Edinburgh: Edinburgh University Press Publ., 2013. 272 p.

Marti B. M. Proskynesis and Adorare. *Language. Vol. 12. Iss. 4*. 1936. P. 272–282.

Matarese C. Proskynesis and Kiss at Alexander's Court. *Atiner's conference Paper Series. No: HIS2012–0315*. Athens, 2012.

Mitchell L. G. Greek bearing gifts. The public use of private relationship in the Greek World, 435–323 B.C. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 1997.

Mojzi R. Greko-persidskie otnosheniya v 367–360 gg. do n. je. [Greco-Persian relations in 367–360 BC.] *Mezhdunarodnye otnosheniya i diplomatija v antichnom mire [International relations and diplomacy in the ancient world]*. Kazan: Master Line Publ., 2000. P. 136–158.

Nylander C. ΑΣΣΥΡΙΑ ΓΡΑΜΜΑΤΑ. Remarks on the 21st Letter of Themistokles. *OpAth. Vol. 8*. 1968. P. 119–136.

Olmstead A. T. Persia and the Greek Frontier Problem. *CPh. Vol. 39. Iss. 4*. 1939. P. 305–322.

Olmstead A. T. *The History of the Persian Empire (Achaemenid Period)*. Chicago: University of Chicago Press Publ., 1948. 568 p.

Perlman S. On bribing Athenian ambassadors. *GRBS. Vol. 17. Iss. 3*. 1976. P. 223–233.

Rung Je. V. Aristofan i afinskie posol'stva v Persiju [Aristophanes and Athenian embassies in Persia]. *Mnemon. Vyp. 13 [Mnemon. Iss. 13]*. P. 57–70.

Rung Je. V. Aristofan i spartanske posol'stva v Persiju [Aristophanes and Spartan embassies in Persia]. *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Vyp. 3: Trudy XVIII Sergeevskih chtenij [East, Europe, America in ancient times. Iss. 3: Proceedings of the XVIII Sergeyevsky readings]*. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2014. P. 200–205.

Rung E. War, Peace and Diplomacy in Graeco-Persian Relations from the Sixth to the Fourth Century B.C. *War and Peace in Ancient and Medieval History. Ed. Ph. De Souza and J. France*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2008. P. 28–50.

Ruzicka S. Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century BC. Norman; London: University of Oklahoma Press Publ., 1992.

Sancisi-Weerdenburg H. Gifts in the Persian Empire. *La Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Decembre 1986. Ed. par P. Briant et C. Herrenschildt*. Paris, 1989. P. 129–146.

Schmidt E. F. *Persepolis. Vol. 1: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: Chicago University Press Publ., 1953. 297 p.

Schmitt R. Assyria grammata und ahnliche: Was wussten die Griechen von Keilschrift und Keilinschriften? *Zum Umgang mit fremden Schprachen in der griechisch-romischen Antike. Hrsg. C. W. Muller, K. Sier & J. Werner*. Stuttgart, 1992. S. 21–35.

Treves P. *Problema politicheskogo ravnovesija v klassicheskoy antichnosti [The problem of the political equilibrium in classical antiquity]*. Moscow: Nauka Publ., 1970.

Waters M. W. Applied Royal Directive: Pissouthnes and Samos. *Der Achamenidenhof. The Achaemenid Court. Ed. B. Jacobs & R. Rollinger*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag Publ., 2010. P. 817–828.

Weiskopf M. The So-Called 'Great Satraps' Revolt', 366–360. Stuttgart: Steiner Verl., 1989.

Wiesehöfer J. Die "Freunde" und "Wohlthater" des Grosskoenigs. *Studia Iranica. Vol. 9. 1980. S. 7–21*.

Zahrnt M. Hellas unter Persischen Druck? Die griechisch-persischen Beziehungen in der Zeit vom Anschluss des Koenigsfrieden bis zur Grundung des Korinthischen Bundes. *AKG. Bd. 65. Ht. 2. 1983. S. 249–306*.

Zecchini G. Entimo di Gortina (Athen.II.48d) e le relazione greco-persiane durante la Pentecontaetia. *AncSoc. Vol. 20. 1989. P. 5–13*.

